

Е.Я. ДЖАББАРОВА

*(Уральский федеральный университет им. Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия).*

УДК 821.161.1-1(Цветаева М.)

ББК Ш33(2Рос=Рус)6-8,445

КАТЕГОРИЯ ЖЕНСКОГО В ТРАКТАТЕ М. ЦВЕТАЕВОЙ «ПИСЬМО К АМАЗОНКЕ»

Аннотация: В статье рассматривается категория женского и раскрывается уникальное для Цветаевой понимание женщины – поэта. Анализируются основные местоименные парадигмы и особенности их функционирования. Выделяются такие значимые для поэта местоимения как «Вы» в значении «ты» и личное местоимение «мы». В ходе анализа выявляется взаимосвязь между образами и категорией женского. Формируется особое понимание женщины. Образуется ряд таких устойчивых образов как: «ива» и «остров» – ведущие пространственные параллели текста. Прослеживается понятие истинной и ложной предназначенности, так под ложной предназначенностью мы понимаем предназначенность женщины мужчине, тогда как под истинной – предназначенность двух женщин друг другу. Раскрываются ведущие черты «прозы поэта», сохраняется частотность личного местоимения «я», характерного в целом прозе Цветаевой.

Ключевые слова: трактаты, местоимения, категории женского, литературные образы.

Лирико-философский трактат «Письмо к Амазонке» М. Цветаева напишет осенью 1932 года. При жизни поэта текст напечатан не был и посвящался писательнице Натали Клиффорд Барни [Цветаева 2010 : 1178]. И. Шевеленко отмечает: «Текст, родившийся как реакция на книгу Натали Клиффорд-Барни “Мысли амазонки”, становится развернутым высказыванием Цветаевой о женской гомосексуальности. Эта тема для нее личная, поскольку связана с собственным опытом и пониманием своего пола. В то же время она над-личная, поскольку соотносена с модернистским пониманием пола вообще» [Шевеленко 2002 : 365].

В частности, необходимо отметить особую роль женщины и женского для Цветаевой, именно чувство двух женщин она считает

«совершенным». А. Саакянц пишет: «...Более шестнадцати лет назад рассталась Цветаева с Софьей Парнок, но эта безрадостная история, по-видимому, ожила в ней с первозданной явью. В “Письме к Амазонке” удивительным образом повторилась “схема” давних стихов к “Подруге”. Две героини, старшая и младшая. Сначала – оболщание, затем – предчувствие разрыва и наконец – бегство младшей. Только в “Подруге” не упоминались ребенок и муж, но весь психологический ход был тот же. И не звучала ли в этой прозе Цветаевой еще и поздняя месть “подруге” за то, что та втянула ее в губительный мир смещённых, изломанных чувств, искаженной природы?» [Саакянц 1997: 568]. Действительно, «Письмо к Амазонке» настолько личное и болезненное, что сразу же напоминает о присутствии в жизни Цветаевой Парнок, с другой стороны – нельзя абсолютно согласиться со столь категоричной и отрицательной реакцией. Безусловно, Цветаева признает давление природы, стихии и их мощь, однако, дело здесь далеко не в мести, а скорее в вечной невозможности встретиться духу и телу, так, ребенок становится зеркалом душ и тел, а любовь двух женщин – лишь слиянием душ без тела.

Более того, также, как и в «Повести о Сонечке» прослеживается мотив ложной и истинной предназначенности, так, под ложной (стереотипной) предназначенностью понимается предназначенность женщины мужчине, тогда как подлинная предназначенность есть предназначенность двух женщин друг другу.

Волошин в работе «Женская поэзия» пишет: «Женщина сама не творит языка, и поэтому в те эпохи, когда идет творчество элементов речи, она безмолвствует. Но когда язык создан, она может выразить на нем и найти слова для оттенков менее уловимых, чем способен на это мужчина. Женская лирика глубже. Но она менее индивидуальна. Это гораздо больше лирика рода, а не лирика личности. Значительность поэзии названных мною поэтов придает то, что каждая из них говорит не только за самое себя, но и за великое множество женщин, каждая является голосом одного из подводных течений, одухотворяющих стихию женского, голосом женственной глубины» [Мнухин 2003 : 27]. К таким поэтам Волошин относит и Марину Цветаеву, те же правила могут быть отнесены и к прозе поэта, в частности, особая стихия женского, тем не менее, согласиться с определением «лирика рода» относительно прозы поэта нельзя, достаточно вспомнить частотность употребление личного местоимения «я».

А. Саакянц также воспринимает сам текст как «казнь», однако самым важным словом, как в названии, так и в самом жанре

становится слово «письмо». Адресатом в данном случае становится не конкретное лицо, а абстрактное, в какой-то степени женщина в целом становится главным слушателем поэта. Буквально с первых страниц Цветаева объединяет себя с адресатом: «Вашу книгу я прочла, Вы близки мне как все пишущие женщины. Не смущайтесь этим все: все не пишут, пишут единицы из всех» [Цветаева 2010 : 779]; «Вы близки мне как всякое уникальное существо и, поверх всего, как всякое уникальное **женское** (выделено здесь и далее мною – Е.Д.) существо» [Цветаева 2010 : 779]. Цветаева подчеркивает два необходимых и значимых в ее поэтическом мире фактора: творческое (писательское) начало и гендер. Сам по себе творец есть для поэта особое существо, но женщина-творец категория еще более значимая: «Лакуна в Вашей книге, единственная, огромная: сознательная или нет? Впрочем, я не верю в отсутствие умысла у мыслящих существ, еще менее – у мыслящих писателей, и совсем – в отсутствие умысла у писателя–женщины» [Цветаева 2010 : 779]; «Не обижайтесь на меня. Я отвечаю Амазонке, а не белому видению женщины, которое ни о чем меня не спрашивает. Не давшей мне книгу, а – написавшей ее» [Цветаева 2010 : 782]. Потому одним из главных местоимений в тексте становится местоимение «мы/наш»: «Обыкновенный ход вещей в **нашем** с Вами случае?» [Цветаева 2010 : 779]; «**Наши** опасения напоминают, **наши** страхи внушают, **наши** одержимости осуществляют» [Цветаева 2010 : 779]; «Ребенок начинается в **нас** задолго до своего начала» [Цветаева 2010 : 781]. Объединение возможное, потому что обе женщины, обе писательницы и творцы.

Второе необходимое Цветаевой местоимение «Вы», которое приобретает значение «ты», возникает в самом начале текста и используется как обращение, особый способ уравнивать автора и адресата в правах: «Я думаю о **Вас** с той поры, как увидела **Вас** – месяц?» [Цветаева 2010 : 779]; «Выслушайте меня. **Вам** не надо отвечать мне – только услышать. Я наношу **Вам** рану прямо в сердце, в сердце **Вашей** веры, **Вашего** дела, **Вашего** тела, **Вашего** сердца» [Цветаева 2010 : 779]. Как и во всей остальной цветаевской прозе особняком стоит и личное местоимение «я/мой», Цветаева вновь позволяет себе решать, мерить, как пространство, так и творчество собственными ориентирами, и даже завершает текст местоимением «я»: «Когда **я** вижу отчаявшуюся иву, **я** – понимаю Сафо» [Цветаева 2010 : 786]. Подобная эмоциональность свидетельствует еще и о том, что Цветаева глубоко понимала те чувства и переживания, которые

описаны в трактате, и, безусловно, сопоставляла себя с образом ивы, как, впрочем, и с Сафо.

В целом категория женского проявляется не только благодаря местоимениям, но и посредством образов: «Остров. Вершина. Сиротство» [Цветаева 2010 : 786]; «Она создает остров. Самое она – остров. Остров, с необъятной колонией душ» [Цветаева 2010 : 785]; «Этот Остров – земля, которой нет, земля, которую нельзя покинуть, земля, которую должно любить, потому что обречен. Место, откуда видно все и откуда нельзя – ничего» [Цветаева 2010: 783]. В данном случае две пространственные параллели становятся ключевыми: ива и остров. Цветаева тянет нить предназначенности сквозь предметы, героев, образы к главному – смерти, то есть к разлуке – как вечной невозможности встречи, невозможности быть, а женское и женщина становятся идеальным воплощением духа без плоти, обнаженного сердца.

ЛИТЕРАТУРА

Марина Цветаева в критике современников: В 2 ч. [Ч.1], [1910-1941 годы. Родство и чуждость] / Сост. Л.А. Мнухин. – М.: Аграф, 2003. – 654с.

Саакянц А. Марина Цветаева. Жизнь и творчество. / А. Саакянц. – М.: Эллис Лак, 1997. – 816с.

Цветаева М.И. Полное собрание поэзии, прозы, драматургии в одном томе. – М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2010. – 1214 с.

Шевеленко И. Литературный путь Цветаевой: Идеология – поэтика – идентичность автора в контексте эпохи. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 464 с.

Статья рекомендована д.ф.н., проф. Т.А. Снигиревой.